

Романов В. Общественно-эстетический идеал и его влияние на творчество К. Иванова-Прта / В. Романов // Вопросы поэтики К. Иванова : материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта, 21-22 мая 1990 г. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. — Чебоксары, 1991. — С. 84-89.

г. Чебоксары

В. РОМАНОВ

ОБЩЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТВОРЧЕСТВО К. ИВАНОВА-ПРТА

У общества существует свой эстетический идеал так же, как у человека личностный. Взаимовлияние общественного и личностного эстетических идеалов адекватно. Обратимся к проблемам периода 1905—1907 годов, поскольку именно в этот период сформировалось общественное сознание К. Иванова-Прта.

Период 1905—07 годов — это не только период Первой русской буржуазной революции, это и период мощного развития идей социал-демократии в стране и консолидации революционных сил и большевизма. Именно взаимовлияние двух идей и содержаний двух форм общественного сознания — социал-демократии и большевизма — и оказали огромное влияние на формирование мировоззрения поэта. Это сказывается и на содержании его творчества. С одной стороны, идеи социал-демократии правого крыла (меньшевиков), заключающиеся в этот период в идее передачи власти народу демократическим путем, постепенно, путем реформ, и, с другой стороны, идеи социал-демократии России левого крыла (большевиков) о насильственном свержении царизма революционным путем, путем вооруженного восстания смогли взаимодополнять друг друга. Именно в этот период социал-демократия в России дошла до своего апогея. И поэтому, как думается, во время существования подобного конгломератного политического сознания происходит накопление личностью передовых общечеловеческих ценностей (хотя может быть и попятное, регрессивное развитие, т. е. накопление отрицательных сторон общественной морали, что зависит от примата личностного начала в человеке).

Некоторые наши исследователи, исходя из строк поэмы «Нет сильнее человека во вселенной никого: он на суше и на водах стал хозяином всего», — готовы считать его чуть ли не революционером. Однако он, конечно же, не был революционером в социальном плане, а был революционером в гуманистическом понимании. Мысли о справедливом, о «человечном»

микромироустройстве были центральными в его произведениях. И сам общественный эстетический идеал периода 1905—07 годов выработался из идей и представлений социал-демократии, поскольку даже передовая российская буржуазия разделяла взгляды социал-демократов и этот идеал заключался в образе справедливого государственного устройства, гуманного государства и цивилизованных и просвещенных межличностных отношений, без феодальных пережитков. Ведь и К. Иванов, говоря «нет сильнее человека», имел в виду прежде всего сильного индивида, способного отстаивать интересы простых людей, борца за личностную свободу, хотя автор и облек главную мысль поэмы в семейно-бытовую форму. И в то же время, Иванов-Прта вырабатывает «антиидеал» в образах эксплуататорской прослойки села. Такие черты, как пустота жизни и ложность интересов, являются объектом осуждения для молодого поэта. Если учесть, что Михедер, его жена и Тахтаман и же с ними есть мелкая буржуазия (т. е. кулачество) сельской местности — в той окраине России, где уклад жизни настолько патриархален и реакционен вследствие влияния христианской и мусульманской религий, что эта смесь становилась наиболее реакционной, поскольку имущая прослойка села всегда выбирала те средневековые этические нормы и эстетические установки, которые наиболее соответствовали их интересам. Михедеры и Тахтаманы явились для К. Иванова-Прта таким типом людей, которых просвещенное общество должно было осудить. Этой же цели служит и трагедия «Раб дьявола» (1907). Поэтому думается, что мировоззрение К. Иванова-Прта сформировалось под влиянием социал-демократических идей обоего крыла.

Многие наши литературоведы воспитаны на идеях большевизма, классовый борьбы и диктатуры пролетариата, и поэтому некоторые из них искали в поэте революционера, чуть ли не большевика-коммуниста, искали в его творчестве и реализм возрожденческого типа, и социалистический реализм. И не его беда, не беда К. Иванова, что нет у него приверженности коммунистическим идеалам и идеям диктатуры пролетариата, хотя и перевел он русскую революционную песню «Вставай, поднимайся» на чувашский язык, а его сила, поскольку он выдвигал (может быть, и неосознанно) не классовые цели, а цели утверждения в обществе общечеловеческих ценностей, что неизмеримо выше ценностей узкоклассовых. Если бы он не скончался в 1915 году (конечно, мы беспредельно скорбим по скоропостижной кончине великого чувашского поэта), то его в сталинские времена скорее всего репрессировали бы (вспомните послеоктябрьские критические статьи о его творчестве). Но до утверждения общечеловеческих ценностей в творчестве нужно было не просто дорасти, как некоторые исследователи хотели бы видеть, а из отражения узкоклассовых интересов

нужно было вырасти. Но я бы не хотел вынашивать и такую мысль, будто К. Иванов-Прта является родоначальником чувашской социал-демократической мысли. Отнюдь нет. Источником и генератором чувашской социал-демократии все-таки была Симбирская чувашская школа, основанная И. Я. Яковлевым, а Иванов просто стал наиболее яркой личностью, олицетворяющей чувашскую социал-демократию. И социал-демократия сегодня уже не ругательство, ее уже считают наиболее прогрессивным общественным движением и мировоззрением в наших Российских условиях. Но я здесь и знака равенства между социал-демократическими и коммунистическими мировоззрениями не ставлю, и даже не сравниваю их, а пытаюсь, сопоставляя эти два философских и эстетических течения, выяснить степень общечеловеческих ценностей в творчестве К. Иванова. Я не стремлюсь и к тому, чтобы, сопоставляя эти мировоззренческие течения, ущемить политические достоинства и заслуги перед народами страны кого-то из них, дескать, вот изменилась в стране политическая ситуация, и мы уже бросаемся из одной крайности в другую. Хочу отметить только, что в разные исторические эпохи в обществе преобладали и преобладают те или иные общественное, политическое, эстетическое и другие формы сознания. А преобладающей и довлеющей над остальными политическими идеями в 1905—1907 годах в России были идеи социал-демократии.

Если эстеты Просвещения и последующих веков считали и сегодня еще многие считают человека мерилom всех вещей, то сегодня человеческое общежитие вырабатывает и взращивает несколько другое мировоззрение, носители которого в зависимости от степени своего осмысления общественных явлений, от степени осознания взаимосвязи человека и природы считают мерилom всех вещей природное равновесие и равновесие в природе, поскольку только в этом случае человечество может выжить. Но общественное сознание 1905—1907 годов было связано с временем новейших открытий в области точных и гуманитарных наук, а также революционной ситуацией в стране; оно не могло не формироваться иначе, как сформировалось, и оно считало человека мерилom всех вещей и выработало адекватный эстетический идеал в образе революционного, интеллектуального, гуманного, человека труда. Поэтому на некоторые моменты творчества наших дооктябрьских и послеоктябрьских писателей мы и смотрим сегодня глазами сегодняшних читателей и стремимся ответить на некоторые вопросы: в чем же и как они видели будущее прекрасное в человеке и обществе, что хотели взрастить и утвердить в обществе сообразно своему мировосприятию? и пытаемся ответить на них исходя из существовавших тогда морально-эстетических оценок бытия и условий жизни народов.

В творчестве Иванова-Прта наиболее широко представлен

спектр эстетических оценок одной из трудовых прослоек общества — трудового крестьянства. Наделяя своих положительных героев гуманными качествами, поэт стремился изжить потребительскую и феодальную мораль. Он не мог мириться с тем, как продается совесть, чувство долга, продается дочь и сын: «Ради дочери стараясь, глаз моих я не смыкал. А потом гадал и думал, замуж как ее отдать, да старался побогаче жениха ей подыскать».

Поэт видел, что старая мораль с корнями, питающими ее, ушла глубоко, и борьба по выкорчевыванию ее из глубины народной необычайно трудна. Это требовало усилия всего народа. Но он видел и другое: в народе пробуждаются силы, способные и готовые выйти на единоборство с этими общественными явлениями: «На задворках, на отшибе есть в селе избушка; в ней молодой Сетнер ютится вместе с матерью своей». Нравственное и идейное превосходство Сетнера противостоит силе укорененных рутинных нравственных устоев. Однако, как мы знаем, одни могучие руки не спасут в этой борьбе, нужны еще убеждения в правоте своей борьбы, цели, выходящие за рамки семейно-бытовых отношений. Несмотря на ряд внутренних движений, Сетнер не проявил активности в деле изменения условий жизни Нарспи и своей, в конечном счете, жизни. Особенно это проявилось тогда, когда после убийства Тахтамана Михеда с женой провели Сетнера и Нарспи. Когда она отстаивала свое достоинство, Сетнер ничего не сделал для нее. Здесь вырисовывается проблема внутренней раздвоенности, которая связана с противоречиями «ума и сердца»: «Погубить врага я смог бы,— есть могучих пара рук. Но когда его погубишь, есть страшней: мир зла и мук»,— говорит Сетнер Нарспи. Результаты этого разлада обусловлены социально-политическими условиями действительности, и, конечно, внутренней раздвоенностью.

Выдвинув идеал «свободной личности» в поэме «Нарспи», К. Иванов-Прта сделал значительный шаг вперед в движении нравственного прогресса. Если у Сетнера слабо выражено сознание о его же роли в переделке общества, то наполнение сознания Нарспи новым содержанием связано с перестройкой общественной психологии. В то же время мораль Михеда коренится в отживающих свой век представлениях, когда ценность человека заключается в количестве обладаемого им богатства. Михеда вопрошает с удивлением: «За что же так любишь, дочь моя, Сетнера? Что имеет он, бедняк?» А ему вторит жена: «Знай, Сетнер, знай, пес бесстыжий! Ты — богатому не зять! Чтob мозолистой рукою нашу дочку не хватал!» И вот ответ Нарспи: «Не в богатстве благо; благо — в человеке, в нем самом». Нарспи кажется, что неуступчивость родителей есть крайнее проявление их глупости. В этот период она еще не созрела для осознания основ социального неравенства

людей. И выдачу замуж за Тахтамана и насильную разлуку с возлюбленным она воспринимает как прихоть родителей, как желание получить богатое приданое и никак больше. Но постепенно Нарспи прозревает. Становление свободной личности происходит не только через сравнение своего желания с морально-этическими установками отца, матери, Тахтамана, но и осознание того, что от себя ни в какие леса и горы не убежишь, и что переделаться в удобную родителям и Тахтаману морально-бесформенную личность — значит превратиться в вещь, это равносильно тому, что с нею могут обращаться кто как хочет и что она превратится в рабыню.

Она, конечно, и не подозревает социальную значимость своего поведения, но знала одно: что распорядителем своей судьбы должен быть сам человек и за свое счастье нужно бороться. Но, хотя ее помыслы уже и сформировались, говорить, что они перешли в стремление, было бы преждевременным.

Не могли не оказать влияния на Иванова образы новых людей, борцов за свое и народное счастье, за вольную жизнь и свободу. Эволюция мировоззрения Нарспи доказывает это. Сначала робкая и послушная, постепенно она становится социально-активной личностью.

Нарспи убивает Тахтамана не только из-за мести за тяжкие побои; она видит в муже не только личного врага, а врага реакционного, с отживающими свой век моральными устоями.

Убийство Тахтамана с позиции гуманитарных, общечеловеческих ценностей является преступлением. Но с позиций леворадикальных общественно-прогрессивных сил России 1905—1907 гг. чьи идеи о гармонизации общественного устройства и эмансипации женщины и взгляды на эти проблемы имели преобладающее значение, то данное деяние выступает как вынужденный шаг. Зададимся вопросом: а почему она использует такой коварный способ, как отравление, а не открытый протест? Да, с внутриличностных позиций этому оправдания нет. Но если исходить из состояния морально-психологических отношений Тахтамана и Нарспи, то думается, что поступок Нарспи является адекватным деяния Тахтамана в отношении жены. Так, после доноса на Нарспи о том, что она уехала с Сетнером в лес, Тахтаман избивает ее. В начале века в обществе проповедовалось пуританство, идеализировалась крепкая семья, верность супругов и с этих позиций вроде бы поступок Тахтамана и справедлив. Но тут примешана «бессмысленная», так сказать, ревность и это снижает «иммунитет справедливости» Тахтамана. Но я в то же время не могу и сегодня понять, зачем же было убивать Нарспи Тахтамана; если он такой уж свирепый, неужели Михедер не сжалился бы над дочерью, ведь говорит же он в «гостях» у Сетнера: «...Честь хотя и замарала,— все равно моя ты дочь... Не горюй, Нарспи, вернемся, твой отец ведь жив пока». Но так или иначе, эсте-

эстетический идеал Иванова-Прта совпадал с общественным эстетическим идеалом, и он создал образ Нарспи, жертвующей многими нравственными ценностями того общества ради провозглашения примером своей судьбы идеи равноправия женщины, ради личной и общественной свободы переступившей порог личной трагедии. Поэт достаточно полно раскрывает характер, душевное состояние, моральные устои старца-Тахтамана, который и физически, и морально давно уже истощился, но еще сохранил юношеские притязания на полнокровную жизнь.

Произвол михедеров и тахтаманов в семье, их засилье в обществе невольно рождали чувство живого сострадания к судьбе таких женщин, как Нарспи, и одновременно вызывали жгучую ненависть к эксплуататорам всех народов и национальностей с их «темным царством». Поэтому творчество К. Иванова-Прта, глубоко национальное в своей основе, ставит общечеловеческие проблемы и выходит за пределы узко-национальных рамок.